

2119 $\frac{19}{19}$ 9

ИВАНЪ БУНИНЪ.

Н О В Ы Я
СТИХОТВОРЕНІЯ.

МОСКВА.

Типографія и Словопитня О. О. Гербека, Чернышевскій пер., 5.

1902.

Ц 12 19

ИВАНЪ БУНИНЪ.

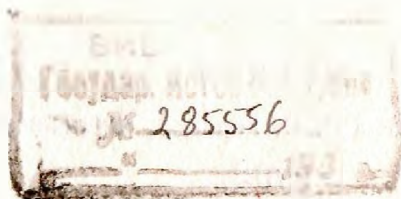
Н О В Ы Я
СТИХОТВОРЕНІЯ.

МОСКВА.

Типографія и Словоупитня О. О. Гербека, Чернышевскій пер., 5.
1902.

Дозволено цензурою. Москва, 31 Января 1902 года.

НОВЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

НОЧЬ и ДЕНЬ.

Старую книгу читаю я въ долгія ночи
При одинокомъ и тихо-дрожащемъ огнѣ:
«Все мимолетно, — и скорби, и радость, и пѣсни...
Вѣченъ лишь Богъ. Онъ въ ночной,
неземной тишинѣ».

Ясное небо я вижу въ окно на разсвѣтѣ.
Солнце восходитъ и горы къ лазури зовутъ:
«Старую книгу оставь на столѣ до заката.
Птицы о радости вѣчнаго Бога поютъ!»

РУЧЕЙ.

Ручей среди сухихъ песковъ...
Куда спѣшить и убѣгаетъ?
Зачѣмъ межъ черныхъ тростниковъ
Такъ стойко путь свой пролагаетъ?

Отъ зноя блѣденъ небосклонъ,
Ни облачка въ лазури жаркой;
Весь мѣръ какъ будто заключенъ
Въ песчаный кругъ въ пустышѣ яркой.

А онъ, прозраченъ, говорливъ,
Онъ словно знаетъ, что съ востока

Придетъ онъ къ морю, гдѣ заливъ
Раскроетъ снова даль широко

И приметъ свѣтлую струю,
Подъ вольной ширью небосклона,
Въ безбрежность синюю свою,
Въ свое торжественное лоно.

ВЪ АЛЬПАХЪ.

На высотѣ, на снѣговой вершинѣ,
Я вырѣзалъ стальнымъ клинкомъ сонетъ.
Проходятъ дни. Быть можетъ, и до нынѣ
Снѣга хранять мой одинокій слѣдъ.

На высотѣ, гдѣ небеса такъ сини,
Гдѣ радостно сіяетъ зимній свѣтъ,
Глядѣло только солнце, какъ стилетъ
Чертиль мой стихъ на изумрудной льдинѣ.

И весело мнѣ думать, что поэтъ
Меня пойметъ. Пусть никогда въ долинѣ

Его толпы не радуетъ привѣтъ!

На высотѣ, гдѣ небеса такъ сини,
Я вырѣзалъ въ вечерній часъ сонетъ
Лишь для того, кто бродитъ на вершинѣ.

ОТТЕПЕЛЬ.

Еще и холодень, и сырь
Февральскій воздухъ, но надъ садомъ
Ужь смотритъ небо яснымъ взглядомъ,
И молодѣсть Божій мірь.

Прозрачно-блѣдный, какъ весной,
Сочится снѣгъ недавней стужи,
А съ неба на кусты и лужи
Ложится отблескъ голубой.

Не налюбуюсь, какъ сквозятъ
Деревья въ лонѣ небосклона,

И сладко слушать у балкона,
Какъ снѣгири въ кустахъ звенять.

Нѣтъ, не пейзажъ влечетъ меня,
Не краски я стремлюсь подмѣтить,
А то, что въ этихъ краскахъ свѣтитъ.
Любовь и радость бытія.

Она повсюду разлита, —
Въ лазури неба, въ птичьемъ пѣньи,
Въ снѣгахъ и вешнемъ дуновеньи, —
Она вездѣ, гдѣ красота.

И ушываясь красотой,
Лишь въ ней дыша полнѣй и шире,
Я знаю, — все живое въ мірѣ
Живетъ въ одной любви со мной.

О Б Л А К О.

Высоко въ просторѣ неба,
Все сіяя бѣлизною,
Вышло облачко на полдень
Надъ равниной водяною.

Изъ болотъ оно возстало,
Изъ холоднаго тумана,
Но, какъ лебедь засіяло
Въ синей стали океана...

Не затѣмь-ли ты возникло,
Чтобы въ вѣчномъ отразиться?

Не въ затѣмъ-ли высь стремилось,
Чтобъ подь солнцемъ раствориться?

Вышло облачко высоко,
Стало тонкое, сквозное,
Улыбнулось одиноко —
И угасло въ яркомъ зноѣ.

РАКЕТА.

Быль поздній часъ — и вдругъ надъ темнотою,
Высоко надъ уснувшею землею,
Прорѣзавъ ночь оранжевой чертой,
Взвилась ракета бѣшеной змѣею.

Стремительно порывъ ее вознесъ...
Но мигъ одинъ — и въ темное забвенье
Уже текутъ брильянты крупныхъ слезъ
И медленно ихъ тихое паденье.

ПОДСНѢЖНИКИ.

Раскрылось небо голубое
Межъ облаковъ въ апрѣльскій день.
Въ лѣсу все сѣрое, сухое
И паутиной пала тѣнь.

За то все ярче и нѣжнѣе
Живая неба бирюза,
И смотреть, весело синѣя,
Въ кустахъ подснежниковъ глаза.

Змѣя, шурша листвою дубовой,
Зашевелилася въ дуплѣ

И въ лѣсъ пошла, блестя лиловой,
Пятнистой кожей по землѣ.

И нѣжный вѣтеръ, поднимая
Весенній шумъ своимъ крыломъ,
Пахнулъ широко лаской мая
И мягкимъ солнечнымъ тепломъ.

Сухіе листья, запахъ пряный,
Атласный блескъ березняка...
О, какъ за этою поляной
Просѣка стройно-глубока!

Какъ утонченно-ярки краски,
Какъ даль свѣтла и хороша!
Какъ жадно вѣрить вешней ласкѣ
Освобожденная душа!

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕРЪ.

Затрепетали звѣзды въ небѣ,
И отъ зари, изъ-за аллей,
Повѣялъ чистый, легкій вѣтеръ
Весенней свѣжестью полей.

Къ закату, точно окрыленный,
Спѣшу за нимъ, и жадно грудь
Его вечерней ласки ищетъ
И счастья въ жизни потонуть.

Всѣхъ, для кого берегъ я юность,
Кого любилъ, опять люблю

И въ тепломъ вѣтрѣ, въ звѣздномъ небѣ
Вновь ласки женскія ловлю.

Не вѣрю, что умру, устану,
Что навсегда въ землѣ усну,—
Нѣтъ,— упоенный счастьемъ жизни,
Я лишь до солнца отдохну.

И снова день меня разбудить,
И снова,— чѣмъ-бы ни былъ я,—
Я буду жить и сладко плакать
И славить радость бытія!

ЖЕМЧУГЪ.

Милъ мнѣ жемчугъ нѣжный, чистый даръ морей!
Въ лонѣ океана, въ раковинѣ тѣсной,
Росъ онъ одиноко, какъ цвѣтокъ безвѣстный,
На обломкахъ мшистыхъ мертвыхъ кораблей.

Бурею весенней выброшенъ со дна,
Онъ лежалъ въ прибоѣ на побережьи дикомъ,
Гдѣ носились чайки надъ водою съ крикомъ,
Гдѣ его качала шумная волна...

Милъ мнѣ жемчугъ нѣжный на груди твоей!
Сладко упиваясь юной красотой,

Въ свѣтломъ Божьемъ мѣрѣ я брожу мечтою,—
Въ небѣ, въ блескѣ солнца, въ тишинѣ морей...

Съ перлами морскими подъ водой цвѣту,
Разсыпаюсь въ рифахъ влагой голубою—
И одно есть счастье: раздѣлить съ тобою
Эту радость жизни, эту красоту!

СЪ КУРГАНА.

Дымится поле, разсвѣтъ бѣлѣетъ,
Въ степи туманной кричатъ орлы,
И дико звонокъ ихъ плачь голодный
Среди холодной плывущей мглы.

Въ росѣ ихъ крылья, въ росѣ бурьяны,
Благоухаютъ поля со сна...
Зарю сладокъ твой бодрый холодъ,
Твой томный голодъ,— твой зовъ, весна!

Ты побѣдила,— вся степь дымится,
Надъ степью властно кричатъ орлы,
И тучи жаркимъ горятъ пожаромъ,
И солнце шаромъ встаетъ изъ мглы!

*
* * *

Гроза прошла надъ лѣсомъ стороною,
Былъ теплый дождь, въ травѣ стоитъ вода...
Иду одинъ тропинкою лѣсною,
И въ синевѣ вечерней надо мною
Слезою свѣтлой искрится звѣзда.

Иду—и вспоминается мерцанье
Мнѣ звѣздъ иныхъ... глубокий мракъ рѣсницъ,
И ночь, и тучи жаркое дыханье,
И молодой грозы благоуханье,
И трепеть замирающихъ зарницъ...

Все пронеслось, какъ бурный вихрь весною,
И все въ душѣ я сохраню, любя...
Слезою свѣтлой блещетъ надо мною
Звѣзда весны за чашей кружевною...
Какая ночь! Какъ я люблю тебя!

ВЪ СТАРОМЪ ГОРОДѢ.

Съ темной башни колоколь уныло
Возвѣщаетъ, что закатъ угасъ.
Вотъ и снова городъ ночь сокрыла
Въ мягкій сумракъ отъ усталыхъ глазъ.

И нисходитъ кроткій часъ покоя
На дѣла людскія. Въ вышинѣ
Грустно свѣтятъ звѣзды. Все земное
Смерть, какъ стражъ, обходитъ въ тишинѣ.

Улицей бредеть она пустынной,
Смотритъ въ окна, гдѣ чернѣетъ тьма...

Всюду глухо. Съ важностью старинной
Въ переулкахъ высятся дома.

Тамъ въ садахъ платаны зацвѣтають,
Нѣжно вѣть раннею весной,
А на окнахъ дѣвушки мечтають,
Упиваясь свѣжестью ночной,

И въ молчаньи только имъ не страшень
Близкой смерти медленный дозоръ,
Сонный городъ, думы черныхъ башень
И часовъ задумчивый укоръ.

Отошли закаты на далекій сѣверь,
Но всю ночь хранится солнца алый слѣдъ...
Тихо въ темномъ полѣ, сладко пахнетъ клеверъ,
Надъ землею брезжить слабый полусвѣтъ.

Это — ночи робкихъ, молодыхъ мечтаній,
Предразсвѣтный сумракъ въ чуткомъ полуснѣ...
Это — ночи грусти и воспоминаній, —
Думы на закатѣ о былой веснѣ...

Облака, какъ призраки развалинь,
Встали на зарѣ изъ-за долинь.
Теплый вечеръ темень и печалень,—
Въ темномъ домѣ я совсѣмъ одинъ.

Грустнымъ звономъ люстра отвѣчаетъ
На шаги по комнатѣ пустой...
А вдали заря зарю встрѣчаетъ,
Ночь зоветъ безсмертной красотой.

Покоряясь смѣнѣ, одиноко
Мы уходимъ... Скоро догоритъ

Нашъ закатъ... Но день ужъ не далеко,—
Онъ другихъ улыбкой озарить.

Кто въ вечерній, грустный часъ отвѣтитъ,
Для чего лелѣяль я мечты?
Не затѣмъ-ли, чтобъ покорно встрѣтить
Эту смѣну вѣчной красоты?

Э Л Е Г И Я.

Стояли ночи сѣвернаго мая,
И рѣялъ въ домѣ блѣдный полусвѣтъ.
Я легъ уснуть, но, тишинѣ внимая,
Все вспоминалъ о грезахъ прежнихъ лѣтъ.

Я вновь грустилъ, какъ въ юности далекой,
И слышалъ я, какъ ты вошла въ мой домъ,—
Неуловимый призракъ одинокій
Въ старинномъ залѣ, низкомъ и пустомъ.

Я различалъ за шелестомъ одежды
Твои шаги въ глубокой тишинѣ,—

И сладкія, забытыя надежды,
Мгновенныя, стѣснили сердце мнѣ.

Я уловилъ изъ оконъ свѣжесть мая,
Глядѣлъ во тьму съ тревогой прежнихъ лѣтъ...
И призракъ твой, и тишина нѣмая
Сливались въ грустный, блѣдный полусвѣтъ!

Ту звѣзду, что качалася въ темной водѣ
Подъ кривою раkitой въ заглохшемъ саду,—
Огонекъ, до разсвѣта мерцавшій въ прудѣ,
Я теперь въ небесахъ никогда не найду.

Въ то селенье, гдѣ шли молодые года,
Въ старый домъ, гдѣ я первыя пѣсни слагалъ,
Гдѣ я счастья и радости въ юности ждалъ,
Я теперь не вернусь никогда, никогда.

И какъ будто не я по зарямъ тамъ бродилъ,
И какъ будто не я тамъ любилъ и грустилъ...
Милый дѣвичій образъ поблекъ, какъ цвѣты...
Незабвенны лишь вы, молодья мечты!

В Ъ М А Ъ.

Весенняго ливня мы ждемъ...
Ужъ тучки синѣютъ сердито
И въ воздухѣ пахнетъ дождемъ,
А къ югу все небо раскрыто...
Какъ чисто и весело въ немъ!

Нѣтъ солнца, но свѣтлы пруды,—
Стоять зеркалами литыми,
И чаши недвижной воды
Совсѣмъ-бы казались пустыми,
Но въ нихъ отразились сады.

Вдругъ капля, какъ шляпка гвоздя,
Упала — и, сотнями иголь

Затоны прудовъ бороздя,
Сверкающій ливень запрыгаль —
И садъ зашумѣль отъ дождя.

И вѣтеръ, играя листвою,
Смѣшаль молодья березки,
И солнечный лучъ, какъ живой,
Зажегъ задрожавшія блестки,
А лужи налилъ синевой.

Вонъ радуга... Весело жить
И весело думать о небѣ,
О солнцѣ, о зрѣющемъ хлѣбѣ,
Чтобъ радостью ихъ дорожить, —
Съ открытой бродить головой,
Глядѣть, какъ разсыпали дѣти
Въ бесѣдкѣ песокъ золотой...
Иного нѣтъ счастья на свѣтѣ!

НА МОНАСТЫРСКОМЪ КЛАДБИЩѢ.

Ударилъ колоколь — и дрогнуль сонъ гробницъ,
И голубей испуганная стая
Вдругъ поднялась съ карнизовъ и бойницъ
И закружилась, крыльями блистая,
Надъ мшистою стѣной монастыря...

О, ранній благовѣсть и майская заря!
Какъ этотъ звонъ, могучій и тяжелый,
Сливается съ открытой и веселой
Равниной зеленѣющихъ полей!..

Ударилъ колоколь — и стала ночь свѣтлѣй,

И позабыты старья гробницы
И кельи тѣсныя, и страхи темноты,—
Душа, затрепетавъ, какъ крылья вольной птицы,
Коснулась радостной и вѣчной красоты
И видитъ только даль и свѣтъ зари зеркальной
Подъ этотъ мѣрный гулъ, густой и музыкальный!

К Е Д Р Ъ.

Темный кедръ растеть среди долины,—
Я люблю долины тихихъ горъ,—
Видитъ онъ далекія вершины
И глядится въ зеркало озеръ.

Темный кедръ одинъ въ горахъ тоскуеть,—
Я люблю печаль весеннихъ дней,—
А кругомъ зеленый лѣсъ ликуеть
И цвѣтутъ фіалки у корней.

Божій міръ люблю я,— въ вѣчной смѣнѣ
Онъ живетъ и красотой цвѣтеть...

Какъ повѣрить злобѣ иль измѣнѣ?
Темный часъ проходить и пройдетъ!

Темный кедръ растеть среди долины,—
Разцвѣтай, на перекорь судьбѣ!..
Быстро дни идутъ, но ни единый
Не пройдетъ безъ думы о тебѣ!

АКЕРМАНСКІЯ СТЕПИ.

«КРЫМСКІЕ СОНЕТЫ» МИЦКЕВИЧА.

Выходимъ на просторъ степного океана.
Возъ тонетъ въ зелени, какъ челнъ въ равнинѣ водъ,
Межъ заводей цвѣтовъ, въ волнахъ травы плыветъ,
Минуя острова багрянаго бурьяна.

Темнѣетъ. Впереди—ни шляха, ни кургана.
Жду путеводныхъ звѣздъ, гляжу на небосводъ...
Вонъ блещетъ облако, а въ немъ звѣзда встаетъ:
То за стальнымъ Днѣстромъ маякъ у Акермана.

Какъ тихо! Постоимъ. Далеко въ сторонѣ
Я слышу журавлей въ незримой вышинѣ,

Внемлю, какъ мотылекъ въ травѣ цвѣты колышетъ,
Какъ гдѣ-то скользкій ужъ, шурша, въ бурьянъ ползетъ.

Такъ ухо звука ждетъ, что можно-бы разслышать
И зовъ съ Литвы... Но въ путь! — Никто не позоветъ.

РАЗСВѢТЪ.

Зеленый цвѣтъ морской воды
Сквозить въ стеклянномъ небосклонѣ;
Алмазь предъутренней звѣзды
Блестить въ его прозрачномъ лонѣ.

И какъ ребенокъ послѣ сна,
Она дрожить въ огнѣ денницы,
А вѣтеръ дуетъ ей въ рѣсницы,
Чтобъ не закрыла ихъ она.

* * *

Въ поздній часъ мы были съ нею въ полѣ.
Я дрожа касался нѣжныхъ губъ.
«Я хочу объятія до боли,—
Будь со мной безжалостенъ и грубъ!»

Утомясь, она просила нѣжно:
«Убаюкай, дай мнѣ отдохнуть!
Не цѣлуй такъ крѣпко и мятѣжно,
Положи мнѣ голову на грудь».

Звѣзды тихо искрились надъ нами,
Тонко пахло свѣжестью росы.

Ласково касался я устами
До горячихъ щекъ и до косы.

И она забылась. Разъ проснулась,
Какъ дитя, вздохнула въ полуснѣ,
Но, взглянувши, слабо улыбнулась
И опять прижалася ко мнѣ.

Ночь царила долго въ темномъ полѣ.
Долго милый сонъ я охранялъ...
А потомъ на золотомъ престолѣ,
На востокѣ, тихо засіялъ

Новый день, — въ поляхъ прохладно стало...
Я ее тихонько разбудилъ
И въ степи, сверкающей и алой,
По росамъ до дому проводилъ...

Н О Ч Ь.

Ищу я въ этомъ мірѣ сочетанья
Прекраснаго и вѣчнаго. Вдали
Я вижу ночь: пески среди молчанья
И звѣздный свѣтъ надъ сумракомъ земли.

Какъ письма, мерцають въ тверди синей
Плеяды, Вега, Марсъ и Оріонъ.
Люблю я ихъ теченье надъ пустыней
И тайный смыслъ ихъ царственныхъ именъ!

Какъ нынѣ я, мирьяды глазъ слѣдили
Ихъ древній путь. И въ глубинѣ вѣковъ

Всѣ, для кого онѣ во тьмѣ свѣтили,
Исчезли въ ней, какъ слѣдъ среди песковъ.

Ихъ было много, нѣжныхъ и любившихъ.
И дѣвушекъ, и юношей, и женъ
Ночей и звѣздъ, прозрачно-серебрившихъ
Ефратъ и Ниль, Мемфисъ и Вавилонъ.

И всѣхъ, кто былъ и въ мѣрѣ жилъ когда-то,
Кто созерцалъ сіянье ихъ лучей,
Всѣхъ, отошедшихъ въ вѣчность безъ возврата,
Я воскрешаю въ сумракѣ ночей.

Вотъ снова ночь. Надъ блѣдной сталью Понта
Юпитеръ озаряетъ небеса,
И въ зеркалѣ воды до горизонта,
Какъ Млечный Путь, струится полоса.

Прибрежья, гдѣ бродили тавро-скиѣы,
Уже не тѣ,— лишь море въ лѣтній штиль

Все также сыплеть ласково на рифы
Лазурно-фосфорическую пыль.

Но есть одно, что вѣчной красотою
Связуетъ насъ съ отжившими. Была
Такая-жъ ночь—и къ тихому прибою
Со мной на берегъ дѣвушка пришла.

И не забыть мнѣ этой ночи звѣздной,
Когда весь міръ любилъ я для одной!
Пусть я живу мечтою бесполезной,
Туманной и обманчивой мечтой,—

Ищу я въ этомъ мірѣ сочетанья
Прекраснаго и тайнаго, какъ сонъ,
Люблю ее за счастье слянья
Въ одной любви съ любовью всѣхъ временъ!

ЗАРНИЦА.

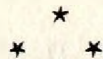
Зарницы ликъ, какъ сновидѣнье,
Блеснулъ — и въ темнотѣ исчезъ.
Но я увидѣлъ на мгновенье
Всю даль и глубину небесъ.

Тамъ въ горнемъ свѣтѣ встали горы
Изъ розоватыхъ облаковъ,
Тамъ градъ и райскіе соборы...
И снова черный палъ покровъ.

Вотъ задрожалъ и вспыхнулъ снова —
И снова блестящій восторгъ,

И мракъ томленія земного
Господь десницею расторгъ...

Не также-ль въ радости случайной
Мечта взмахнетъ порой крыломъ —
И вдругъ блеснетъ небесной тайной
Все потонувшее въ быломъ?

Спокойный взоръ, подобный взору лани,
И все, что въ немъ такъ нѣжно я любилъ,
Я до сихъ поръ въ печали не забылъ,
Но образъ твой теперь уже въ туманѣ.

А будутъ дни — угаснетъ и печаль,
И засинѣетъ сонъ воспоминанья,
Гдѣ нѣтъ уже ни счастья, ни страданья,
А только всепрощающая даль.

ЗАКАТЪ.

За все тебя, Господь, благодарю!
Ты, послѣ дня тревоги и печали,
Даруешь миѣ вечернюю зарю,
Просторъ полей и кротость синей дали.

Я одинокъ и нынче, какъ всегда.
Но вотъ закатъ разлилъ свой пышный пламень
И таетъ въ немъ Вечерняя Звѣзда,
Дрожа насквозь, какъ самоцвѣтный камень.

И счастливъ я печальною судьбой,
И есть отрада сладкая въ сознаньи,
Что я одинъ въ безмолвномъ созерцаньи,
Что всемъ я чуждъ и говорю — съ Тобой!

В Ъ М О Р Ъ.

Высоко нашъ флагъ трепещеть,
Гордо вздулся парусъ полный,
Всталъ, огромный и косою;
А на встрѣчу зыбью плещеть,
И бѣгутъ — змѣятся волны
Быстрой, гибкой полосой.

Изумрудъ горить, сверкая,
Въ ней, какъ въ раковинѣ тѣсной,
Мѣдью свѣтитъ на борта;
А кругомъ вода морская
Такъ тяжка и полновѣсна,
Точно ртутью налита.

Ходить зыбкими буграми,
Ходить мощно и упруго,
Высоко возносить челнъ,
И бѣгущими горами
Принимають другъ отъ друга
Насъ, какъ въ люлькѣ, гребни волнъ.

Я лицо и грудь подставилъ
Вѣтру моря и съ налета
Вольный бѣгъ его ловлю,—
Я на вѣтеръ руль направилъ
И, какъ чайка, безъ отчета,
Безъ раздумья жизнь люблю!

У Т Р О.

Свѣтитъ въ горы небо голубое,
Молодое утро сходить съ горъ.
Далеко внизу — кайма прибоя,
А за ней — сіяющій просторъ.

Съ высоты къ востоку смотреть горы,
Гдѣ за нѣжно-млечной синевою
Тають въ морѣ бѣлые узоры
Отдаленной цѣпи снѣговой.

И въ дали таинственной и зыбкой
Изъ-за горъ восходить солнца свѣтъ —
Точно горы свѣтлою улыбкой
Отвѣчаютъ братьямъ на привѣтъ.

ВЕСНЯНКА.

Передъ грозой въ Петровки, жаркой ночью,
Среди лѣсного ропота и шума,
Спѣшилъ я, спотыкаясь на коряги
И путаясь межъ елокъ, за Веснянкой.
Она, какъ легкой призракъ, уходила,
Какъ дѣвочка, скакала по оврагамъ,
И, бѣлая, мелькала въ темнотѣ,
Когда зарницу вѣтромъ раздувало.
Въ одинъ прыжокъ я могъ ее настичь,
Но у меня ужъ запеклись уста
И сердце трепетало, точно голубь.
«Постой!» — хотѣлъ я крикнуть — и не могъ.

Мы долго съ ней бѣжали по болоту,
Вдоль озера, вдоль отмели, заросшей

Купавами, травой и камышами,
И, наконецъ, я выбился изъ силъ.
Хочу сказать: «Остановись, не бойся»!
Она на мигъ оглянется — и въ путь!
А между тѣмъ въ лѣсу поднялся вѣтеръ,
Деревья недовольно зароптали,
Задвигали мохнатой хвоей ели
И звѣзды замелькали изъ-за нихъ.
Кричу за ней: «Остановись, послушай!
Я все равно до свѣта не отстану,
Ты понапрасну мучишься»... Не слышитъ!

Вдругъ молнія всю чащу озарила
Таинственнымъ и блѣдно-синимъ свѣтомъ...
«Стой! крикнулъ я. Лишь слово! Я не трону»...
(Она остановилась на мгновенье)
«Постой! — сказалъ я грустно. — Я измучень,
Я потерялъ надежду... Но скажи:

Зачѣмъ-же ты мнѣ душу обольщала?
Зачѣмъ со мной встрѣчалась вечерами,
Ждала меня надъ заводью темнѣвшей,
Гдѣ сумрачно и тускло рдѣли воды?
Зачѣмъ со мной ты слушала, грустя,
Далекихъ пѣсень радость молодую?
Зачѣмъ потомъ, когда онѣ смолкали
И только комары звенѣли сонно
Да нѣжно пахло теплою водой,
Ты разбирала ласково мнѣ кудри,
А я глядѣлъ съ твоихъ колѣнъ въ глаза?
Зачѣмъ во тьмѣ, когда изъ тихой рощи
Гремѣли соловьи, ты наклонялась
Къ моей щекѣ горячею щекой
И цѣловала... прежде — осторожно,
Едва касаясь жадныхъ устъ устами,
А послѣ — все томительнѣй и крѣпче?
Скажи, зачѣмъ?»?.. Она лицо и очи

Закрыла вдругъ и горько зарыдала.

«Да любишь-ли?»— вскричалъ я, озлобляясь.

«Нѣтъ!— съ злобою отрѣзала она,—

«Нѣтъ, не люблю и никогда не буду»!

И долго мы, какъ звѣри за добычей,

Опять бѣжали въ роцѣ. Шумный ливень

По темнымъ чащамъ съ громомъ бушевалъ,

Даль раскрывали молніи, и ярко

Бѣлѣло платье дѣвичье... Но вдругъ

Оно исчезло, точно провалилось.

Я выскочилъ съ разбѣгу на опушку,

Упалъ въ овесъ, запутанный и мокрый,

И зарыдалъ, какъ мальчикъ... Слезы долго

И сладостно мнѣ сердце облегчали,

Но, наконецъ, изсякли. Въ вышинѣ,

Сквозь жидкія, разорванныя тучи,

Мелькнули звѣзды. Вѣтеръ осторожно

И, какъ живой, среди овсовъ шурша,
Пахнулъ съ гречихъ медвянымъ ароматомъ,
И вдругъ, открывъ глаза, я улыбнулся.

«О, нѣтъ!—сказалъ я, радостно вздохнувъ,—
«Я все прощу, я все смогу исправить!
«Я страсть сломилъ... Поѣду къ ней и скажу:
«Прости меня,— я изнемогъ, измученъ,—
«Люби другихъ,— меня лишь пожалѣй.
«Такъ горестно, такъ сладко жить на свѣтѣ,
«Любя нераздѣленною любовью,
«Но чувствуя, что ты не одинокъ»!»
И вновь вскочивъ, я вновь упалъ на землю.

Я замиралъ, я трепеталъ отъ скорби,
Стоналъ, какъ звѣрь, и плакалъ, расточая
Безумныя и нѣжныя слова...
Потомъ я обезсилѣлъ. Наступило
Сѣдое утро, тихое, сырое,

Овсы къ землѣ приникли — и устало
Я головой склонился на межу...
О, если-бъ былъ я проще и спокойнѣй!
О, если-бы такъ нѣжно не любилъ!
Но поздно сокрушаться... Наступаетъ
Ненастный день, туманный и сырой,
Грозы не будетъ больше... Скоро осень.

ПОДЪ ТУЧЕЙ.

Полями пахнетъ,— свѣжихъ травъ
И ржи прохладное дыханье!
Отъ сѣнокосовъ и дубравъ
Я въ немъ ловлю благоуханье.

Повѣтъ вѣтеръ — и замретъ...
А надъ полями даль темнѣтъ,
И туча изъ-за нихъ растеть,—
Закрыла солнце и синѣтъ.

Нежданной молніи игра,
Какъ мечъ, блеснувшій на мгновенье,

Вдругъ озарить изъ-за бугра—
И снова сумракъ и томленье...

Какъ ты таинственна, гроза!
Какъ я люблю твое молчанье,
Твое внезапное блистанье,—
Твои безумные глаза!

Какъ жадно ждешь, когда сорвется
Твой ураганъ въ тиши нѣмой—
И въ бурномъ вихрѣ пронесется
Самъ Ангелъ Жизни надъ землею!

Звѣзда надъ темными далекими лѣсами
Всѣхъ ярче искрится, прекрасна и грустна.
Въ прозрачномъ сумракѣ царить подъ небесами
Глубокая ночная тишина.

Глубокой тишинѣ, какъ тайнѣ, я внимаю,
Не отрывая глазъ отъ звѣздной вышины,
И мнится, что опять душою постигаю
Таинственную рѣчь и звѣздъ, и тишины,—

Опять, какъ въ тѣ часы, когда глядѣлъ, бывало,
Ребенкомъ я въ ночной, весенній небосклонъ

И рѣяль надо мной спокойно и устало
Безгрѣшный дѣтскій сонъ,

А за плечомъ моимъ, въ одеждахъ бѣлоснѣжныхъ,
Стояль Хранитель мой — и кроткая печаль
Была въ его очахъ, задумчивыхъ и нѣжныхъ,
Безмолвно устремленныхъ въ даль...

НАДПИСЬ НА МОГИЛЬНОЙ ПЛИТЬ.

Нѣсть, Господи, грѣховъ и злодѣяній
Превыше милосердыя Твоего!
Рабу земли и суетныхъ желаній
Прости грѣхи за горести его.

Завѣтъ любви хранилъ я въ жизни свято:
Во дни тоски, наперекоръ уму,
Я не питалъ змѣю вражды на брата,
Я все простилъ, по слову Твоему.

«Да не застанеть солнце васъ во гнѣвѣ!..»
Стремясь къ одной великой красотѣ,

Сливайтесь всѣ въ одномъ ея напѣвѣ,
Въ одной любви, надеждѣ и мечтѣ.

Я, тишину познавшій гробовую,
Я, воспріявшій скорби темноты,
Изъ нѣдръ земныхъ землѣ благовѣствую
Глаголы Незакатной Красоты!

ИЗЪ АПОКАЛИПСИСА.

гл. IV.

И я узрѣлъ: отверста дверь на небѣ
И прежній гласъ, который слышаль я,
Какъ звукъ трубы, гремѣвшей надо мною,
Мнѣ повелѣлъ: войди и зри что будетъ.

И духъ меня мгновенно осѣнилъ.
И се — на небесахъ передъ очами
Стоялъ престоль, на немъ-же былъ Сидящій.

И сей Сидящій, славою сіяя,
Былъ точно камень яспись и сардисъ,

И радуга, подобная смарагду,
Его престоломъ широко обняла.

И вокругъ престола двадесять четыре
Другихъ престола было, и на каждомъ
Я видѣлъ старца въ ризѣ бѣлоснѣжной
И въ золотомъ вѣнцѣ на головѣ.

И отъ престола исходили гласы
И молніи, и громы, а предъ нимъ —
Семь огненныхъ свѣтильниковъ горѣли,
Изъ коихъ каждый былъ Господній духъ.

И предъ лицомъ престола было море,
Стеклянное, подобное кристалу,
А посреди престола и окрестъ —
Животныя, число же ихъ четыре.

И первое подобно было льву,

Тельцу — второе, третье — человѣку,
Четвертое — летящему орлу.

И каждое изъ четырехъ животныхъ
Три пары крылъ имѣло, а внутри
Они очей исполнены безъ счета
И никогда не вѣдаютъ покоя
Взывая къ Славѣ: Святъ, святъ, святъ, Господь,
Богъ Вседержитель, Кой пребываетъ
И былъ во вѣки вѣка и грядеть!

Когда-же такъ взываютъ, воздава
Честъ и хвалу Живущему во вѣки,
Сидящему во славѣ на престолѣ,

Тогда всѣ двадесять четыре старца
Ницъ у престола падаютъ въ смиреньи
И, поклоняясь Сущему во вѣки,

Кладутъ вѣнцы къ престолу и рекутъ:

**Воистину достоинъ воспріяти
Ты, Господи, хвалу, и честь, и силу,
Бо все, что зримъ, Тобой сотворено
И существуетъ волею Твоею!**

НА ГОРАХЪ.

Пока я шель, я былъ такъ малъ!
Я самъ себѣ такимъ казался,
Когда хребетъ далекихъ скалъ
Со мною росъ и возвышался.

Но на предѣльной ихъ чертѣ
Я переросъ ихъ восхожденье.
Одинъ въ пустынной высотѣ,
Я чую высшихъ силъ томленье.

Земля — подножіе мое.
Ея громада поднимаетъ

Меня въ иное бытіе,
И душу радость обнимаетъ.

Но бездны страхъ — онъ не исчезъ,
Онъ набѣгаетъ издалека...
Не потому-ль, что одиноко
Я заглянулъ въ лицо небесъ?

*
* * *

Изъ тѣсной пропасти ущелья
Намъ небо кажется синѣй.
Привѣтъ тебѣ, нѣмая келья
И радость одинокихъ дней!

Звучнѣй и пѣсни, и рыданья
Гремятъ подъ сводами тюрьмы. †
Привѣтъ вамъ, гордыя страданья
Среди ея холодной тьмы!

Изъ рудниковъ, изъ черной бездны
Намъ звѣзды видны даже днемъ.
Гляди смѣлѣе въ сумракъ звѣздный—
Предвѣчный свѣтъ таится въ немъ!

НОЧЬЮ ВЪ ІЮЛѢ.

Не слышать еще тяжкаго грома за лѣсомъ,—
Только сполохъ зарницъ пробѣгаетъ
вѣ вершинахъ...

Лапы елей висятъ неподвижнымъ навѣсомъ
И запуталась хвоя въ сухихъ паутинахъ...

Если-жѣ молнія вспыхнетъ, какъ пламя
надъ горномъ,
Раскрываются чащи въ изломахъ невѣрныхъ,
Точно древніе своды во храмахъ пещерныхъ,
Въ подземельи Перуна, высокомъ и черномъ!

КУРГАНЪ.

Любилъ онъ ночи темныя въ шатрѣ,
Степныхъ кобыль заливчатое ржанье,
И передъ битвой волчье завыванье,
И коршуновъ на сумрачномъ бугрѣ.

Нагую даль онъ осенью любилъ
И никогда не могъ насытить взора
Свободою пустынного простора
И широтою первобытныхъ силъ.

И жажду жизни слясь утолить,
Онъ за врагомъ скакалъ, какъ изступленный,

Чтобъ, дерзостью погони опьяненной,
Горячей кровью землю напоить.

Стрѣлою скиѣмъ насквозь его пробилъ,
И тамъ, гдѣ смерть ему закрыла очи,
Возсталъ курганъ — и темный вѣтеръ ночи
Дождемъ холодныхъ слезъ его кропилъ.

Прошли вѣка, но слава древней были
Жила въ вѣкахъ... Нѣтъ смерти для того,
Кто жизнь любилъ, и пѣсни сохранили
Далекое наслѣдіе его.

Онѣ поютъ печаль воспоминаній,
Онѣ безсмертье вѣчнаго поютъ
И жизни, отошедшей въ міръ преданій,
Свой братскій зовъ и голосъ подаютъ.

СОНЪ-ЦВѢТОКЪ.

Это было глухое, тяжелое время.
Дни въ разлукѣ текли, я какъ мертвый блуждалъ,
А съ вечернимъ закатомъ я лошадь сѣдлалъ
И въ безлюдномъ дворѣ ставилъ ногу на стремя.

На горѣ меня темное поле встрѣчало.
Въ темноту, на востокъ, направлялъ я коня —
И пустынная ночь окружала меня
И, склонивши колосья, глубоко молчала.

Замыкалось кольцомъ море спѣлаго хлѣба.
Жизни не было въ немъ. Ужъ давно отцвѣли
Тѣ цвѣты, что въ поляхъ хороводы вели
И смотрѣли въ далекое, ясное небо.

И, молчанью внимая, я тихо склонялся
Головой на луку. Я безъ мысли глядѣлъ
На темнѣвшую даль и душой холодѣлъ
И въ холодной безмолвной тоскѣ забывался.

Позднимъ лѣтомъ въ степи на казацкихъ могилахъ
«Сонъ-цвѣтокъ» въ полуснѣ одиноко цвѣтетъ...
Онъ живой, но сухой... Онъ угаснуть не въ силахъ,
Но весна для него никогда не придетъ!

Моя печаль теперь спокойна,
И съ каждымъ годомъ все яснѣй
Я вижу даль, гдѣ прежде знойно
Синѣла дымка лѣтнихъ дней...

Такъ въ тишинѣ приморской виллы
Слышишье осенью прибой,
Подобный голосу Сибиллы,
Безстрастной, мудрой и слѣпой.

Такъ на зарѣ въ степи широкой
Слышишье колоколь въ дали,—
Спокойный, вѣщій и далекій
Отъ мелкихъ горестей земли...

Звѣзды ночи осенней, холодныя звѣзды!
Какъ угрюмо и грустно мерцаете вы!
Небо тускло и глухо, какъ куполь собора,
И заливы морскіе — темны и мертвы.

Млечный Путь надъ заливами смутно бѣлѣтъ,
Точно саванъ ночной, точно блѣдный просвѣтъ
Въ бездну Вѣчныхъ Ночей, въ запредѣльное небо,
Гдѣ ни скорби, ни радости нѣтъ.

И осеннія звѣзды, угрюмо мерца
Безнадежнымъ мерцаніемъ тусклыхъ лучей,
Говорятъ объ иной, — о предвѣчной печали
Запредѣльныхъ Ночей.

Шумѣли листья, облетая,
Лѣсъ заводилъ осенній вой...
Какихъ-то сѣрыхъ птичекъ стая
Кружилась по вѣтру съ листвою.

А я былъ малъ,— безпечной шуткой
Смятенье ихъ казалось мнѣ:
Подъ гуль и шорохъ пляски жуткой
Мнѣ было весело вдвойнѣ.

Хотѣлось вмѣстѣ съ вихремъ шумнымъ
Кружиться по лѣсу, кричать —
И каждый мертвый листъ встрѣчать
Восторгомъ радостно-безумнымъ!..

Свѣтло, какъ днемъ, и тѣнь за нами бродить
Въ нагихъ кустахъ. На серебрѣ травы
Луна съ небесъ таинственно обводитъ
Сіяніе вкругъ темной головы.

Луна взошла надъ садомъ такъ высоко,
Что рѣдкій садъ весь виденъ до воротъ.
И все молчитъ. И вѣтъ издалека
Съ пустого поля сыростью болотъ.

Остановясь, ловлю твой взоръ прощальный,
Но въ сердцѣ холодъ мертвенный таю —
И блѣдный ликъ, загадочно-печальный,
Подъ блѣдною луной не узнаю!

Смотрить мѣсяць ненастный, какъ сыплются
желтые листья,

Какъ проносится вѣтеръ въ безпомощно-
зыбкомъ саду.

На кусты и поляны въ тоскѣ припадаютъ деревья:
«Пронеси, вольный вѣтеръ, скорѣй эту
жуткую ночь!

«Не зато-ль такъ нещадно насъ мучить
холодная осень,

Что цвѣли мы весной, упиваясь улыбкой небесъ,

Забывая въ дни счастья про черныя
ночи ненастья,—
Роковую расплату за радость весны и любви?

«Жизнь въ борьбѣ не страшна,
но предъ смертью бороться нѣтъ силы,
Пусть скорѣе повѣетъ дыханіе бѣлой зимы!
Смерть царить въ красотѣ и молчаніи синяго неба,
Смерть придетъ въ тишинѣ и великомъ
покоѣ снѣговъ!..»

Съ неземною печалью глядитъ
затуманенный мѣсяць...

Вѣтеръ въ жуткомъ восторгѣ проносится
въ черныхъ кустахъ:

«Достигайте въ несчастіи радости
мукъ безпредѣльных!»

Приготовьтесь къ Великому мукой
великихъ потерь!»!

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Въ окно я вижу груды облаковъ
Холодныхъ, бѣлоснѣжныхъ, какъ зимою,
И яркость неба влажно-голубого.
Осенній полдень свѣтеть, и на сѣверь
Уходятъ тучи. Клены золотые
И бѣлыя березки у балкона
Сквозятъ на небѣ рѣдкою листвою
И хрустальемъ на нихъ сверкаютъ льдинки.
Онѣ, качаясь, таютъ, а за домомъ
Бушуетъ вѣтеръ... Двери на балконѣ
Уже давно заклеены къ зимѣ,
Двойныя рамы, топленья печи —

Все охраняетъ ветхій домъ отъ стужи,
А по-саду пустому кружить вѣтеръ
И, листья подметая по аллеямъ,
Гудитъ въ березахъ старыхъ... Свѣтеть день,
Но холодно, — до снѣга недалеко.

Въ концѣ аллеи есть старая калитка.
Подъ нею лужа зеркаломъ чернѣетъ,
А въ лужѣ — куча листьевъ. За калиткой
Зеленыхъ всходовъ лоснится равнина
И даль полей открыта... Много дней
Вдоль тѣхъ аллеи, среди березъ гудящихъ,
Подъ холодомъ и вѣтромъ я скитался,
Пытаясь къ одиночеству привыкнуть,
Забыть тебя, унять тоску разлуки,
Пока въ тоскѣ душа не истомилась,
Пока недугъ печали не сломилъ...
Теперь я отдыхаю. Одиноко

Проходятъ дни, но горе миновало.
Мнѣ весело глядѣть теперь на небо,
На облака, на солнце... Я съ улыбкой
Внимаю пѣснѣ вѣтра, что разгульно
Весь день звенить и свищетъ въ щели рамъ.

Я часто вспоминаю осень юга...
Теперь на Черномъ Морѣ непрерывно
Бушуютъ бури: тусклый блескъ отъ солнца,
Скалистый берегъ, бѣшенный прибой
И въ шумѣ волнъ сверкающая пѣна...
Ты помнишь этотъ берегъ, окаймленный
Его широкой снѣжною грядой?
Бывало, мы сбѣжимъ къ нему съ обрыва,
И жадно ловимъ вѣтеръ. Вольно вѣетъ
Онъ бодростью и свѣжестью морской;
Срываая брызги съ бурнаго прибоя
Онъ влажной пылью воздухъ наполняетъ

И снѣжныхъ чаекъ носить надъ волнами.
Мы въ шумѣ волнъ кричимъ ему навстрѣчу,
Онъ валить съ ногъ и заглушаетъ голосъ,
А намъ легко и весело, какъ птицамъ...
Ты помнишь, что я говорилъ тебѣ?
«Не надо думать въ радости и горѣ!
Люби и грусть, и радость,— пѣсни жизни».

Все это сномъ мнѣ кажется теперь.
Деревня, глушь, забытая усадьба
И только вѣтеръ тотъ-же... Онъ играетъ
Въ березахъ старыхъ, кружится по саду
И въ щели рамъ, мѣняясь каждый мигъ,
Поетъ о чемъ-то звонко и высоко...
Какое дѣло вѣтру до сомнѣній,
До слезъ о прошломъ? Жизнь не замедляетъ
Свой вольный бѣгъ,— она зоветъ впередъ,
Она поетъ, какъ вѣтеръ, лишь о вѣчномъ!

Зачѣмъ смущать себя бесплодной думой,
Что мы живемъ не счастьемъ, а надеждой
На это счастье,— что никто не знаетъ,
Къ чему всѣ наши радости и скорби,
Когда насъ ждетъ забвенье и ничто?
Умру—и все-жъ останусь въ этомъ мірѣ,
Какъ часть его великой, вѣчной жизни,
И пусть, пока я сознаю его,
Пока я это чувствую и мыслю,
Пусть сердце не смущается въ печали,
Пусть любить все, что разлюбить не можетъ,
Пусть познаетъ, что и печаль, и радость
Равно прекрасны въ вѣчной жаждѣ—жить!

Э П И Т А Л А М А.

Озарень былъ сумракъ мрачный
Въ старомъ храмѣ, и сіяль
Чистый образъ новобрачной
При огняхъ, въ фатѣ прозрачной,
Подъ молитвенный хораль.

А изъ оконъ ночь синѣла;
Зимній вечеръ темень былъ,
Вьюга въ сумракѣ шумѣла,
Грустно съ колоколомъ пѣла,
Подымая снѣгъ съ могиль...

Восприми же въ часъ урочный
Юной жизни торжество.

Будь любимой, непорочной:
Близокъ мертвый часъ полночный,
Близокъ сонъ и мракъ его.

Сохрани уборъ вѣнчальный,
Сохрани цвѣты твои:
Въ жизни краткой и печальной
Свѣтитъ только безначальный,
Непорочный свѣтъ любви!

Морозное дыханіе метели
Еще свѣжо, но улеглась метель.
Бѣлѣтъ снѣга мшистая постель,
Въ сугробахъ стынуть траурныя ели.

Ночное небо низко и черно,—
Лишь въ глубинѣ, гдѣ Млечный Путь бѣлѣтъ,
Сквозить его таинственное дно
И холодомъ созвѣздій пламенѣтъ.

Обрывки тучъ порой темнѣютъ въ немъ,
Но стынеть ночь... И низко надъ землею
Усталый вихрь шипящею змѣею
Скользитъ и жжетъ своимъ сухимъ огнемъ.

КРЕЩЕНСКАЯ НОЧЬ.

Темный ельникъ снѣгами, какъ мѣхомъ,
Опушили сѣдые морозы,
Въ искрахъ инея, въ мелкихъ алмазахъ,
Задремали, склонившись березы.

Неподвижно застыли ихъ вѣтки,
А межъ ними на снѣжное доно,
Точно сквозь серебро кружевное,
Полный мѣсяцъ глядитъ съ небосклона.

Высоко онъ поднялся надъ лѣсомъ,
Въ яркомъ свѣтѣ своемъ цѣпенѣя,

И причудливо стелятся тѣни,
На снѣгу подъ вѣтвями чернѣя.

Замело чащи лѣса метелью,—
Только выются слѣды и дорожки,
Убѣгая, межъ сосенъ и елокъ,
Межъ березокъ, до ветхой сторожки.

Убаюкала выюга сѣдая
Дикой пѣснею лѣсъ опустѣлый,
И заснулъ онъ, засыпанный снѣгомъ,
Весь сквозной, неподвижный и бѣлый.

Тишина,— даже вѣтка не хрустнетъ.
А, быть можетъ, за этимъ оврагомъ
Пробирается волкъ по сугробамъ
Осторожнымъ и медленнымъ шагомъ...

Огонекъ изъ забытой сторожки

Чуть замѣтно и робко мерцаеть,
Точно онъ притаился подъ лѣсомъ
И его-то въ тиши поджидаетъ.

Въ дальнихъ чащахъ, гдѣ вѣтви и тѣни
Въ лунномъ свѣтѣ узоры сплетаютъ,
Все мнѣ чудится что-то живое,
Все какъ будто звѣрки пробѣгаютъ.

Бриллиантомъ лучистымъ и яркимъ,
То зеленымъ, то синимъ играя,
На востокъ, у трона Господня,
Остро блещетъ звѣзда, какъ живая.

А надъ лѣсомъ все выше и выше
Всходитъ мѣсяцъ—и въ дивномъ покоѣ
Замираетъ морозная полночь
И хрустальное царство лѣсное.

КУСТАРНИКЪ.

Жесткой, черной листвою шелестить
и трепещеть кустарникъ,
Точно въ снѣжную даль убѣгаетъ въ испугѣ.
Въ бѣломъ полѣ стога, косогорь и забытый овчарникъ
Тонуть въ бѣломъ дыму разгулявшейся выюги.

Дымный вѣтеръ кружить и нестеть
въ небѣ ворона бокомъ,
Конскій слѣдъ на бѣгу порошить-заметаеть...
Вонь прохожій вдали. Истомлень на пути одинокомъ,
Мертвымъ шагомъ онъ мѣрно и тупо шагаетъ.

«Добрый путь, человекъ! Далеко-ль
до села, до ночлега?»

Онъ не слышитъ, идетъ, только голову клонить...
А куда и спѣшить противъ холода, вѣтра и снѣга?
Родились мы въ снѣгу, — вьюга насъ и схоронить.

Занесетъ равнодушно, какъ стогъ,
какъ забытый овчарникъ...

Хорошо ей у насъ, на просторѣ великомъ!
Безпріютная жизнь, одинокій подъ бурей кустарникъ,
Не тебѣ одолѣть въ полѣ темномъ и дикомъ!

НА ОСТРОВѢ.

Люблю я нашъ обрывъ, гдѣ дикою грядою
Бѣлѣютъ стѣны скаль, смотря на дальній югъ,
Гдѣ моря синяго раскинуть полукругъ,
Гдѣ кажется, что мѣръ кончается водою
И дышется легко среди безбрежныхъ водъ.

Въ веселый лѣтній день, когда на солнцѣ блещетъ
Скалистый известнякъ, и въ каждый звонкій гротъ
Зеленая вода хрустальной влагой плещетъ,
Люблю я зной, и ширь, и вольный небосводъ
И тихихъ острововъ пустынные высоты.

Ласкаютъ ихъ вѣтры и волны лижутъ ихъ,
А чайки зоркія заглядываютъ въ гроты,—
Косятся въ чуткіи мракъ пещеръ береговыхъ
И вдругъ, надъ бѣлыми утесами взмывая,
Сверкаютъ крыльями въ просторахъ голубыхъ,
Кого-то жалобно и звонко призывая.

З В Ъ З Д Ы.

Не устанемъ воспѣвать васъ, звѣзды!—
Вѣчно вы таинственны и юны.
Съ дѣтскихъ дней я робко постигаю
Темныхъ безднъ сіяющія руны.

Въ дѣтствѣ я любилъ васъ безотчетно,—
Сказкою вы нѣжною мерцали...
Въ молодые годы только съ вами
Я дѣлилъ надежды и печали.

Вспоминая первыя признанья,
Я ищу межъ вами образъ милый...

Дни пройдут — вы будете свѣтиться
Надъ моей забытою могилой.

И, быть можетъ, я пойму васъ, звѣзды,
И мечта, быть можетъ, воплотится,
Что земнымъ надеждамъ и печалямъ
Суждено съ небесной тайной слиться!

ВЪ КОЛИЗЕѢ.

МОНОЛОГЪ МАНФРЕДА.

ИЗЪ БАЙРОНА.

Сверкають звѣзды,— полная луна
Надъ горными вершинами сіяетъ,
Надъ вѣчными снѣгами... Дивный видъ!
Люблю я ночь,— мнѣ образъ ночи ближе,
Чѣмъ образъ человѣка; въ созерцаньи
Ея спокойной, грустной красоты
Я постигаю рѣчь иного міра.

Мнѣ помнится,— когда я молодъ былъ
И странствовалъ,— въ такую ночь однажды
Я былъ среди развалинъ Колизея,
Среди останковъ царственного Рима.
Деревья вдоль разрушенныхъ аркадъ,

На синевѣ полуночной темнѣя,
Чуть колыхались по вѣтру, и звѣзды
Сіяли сквозь руины; изъ-за Тибра
Быль слышенъ лай собакъ, а изъ дворца —
Протяжный стонъ совы и, замирая,
Невнятно доносились съ теплымъ вѣтромъ
Далекіе напѣвы часовыхъ.
Въ проломахъ стѣнъ, разрушенныхъ вѣками,
Стояли кипарисы — и казалось,
Что ихъ кайма была на горизонтѣ,
А между тѣмъ лишь на полеть стрѣлы
Я былъ отъ нихъ.

Гдѣ Цезарь жилъ когда-то

И гдѣ теперь живутъ ночныя птицы,
Уже не лавръ, а дикій плющъ растеть
И лѣсъ встаетъ, корнями укрѣпляясь
Въ священномъ прахѣ царскихъ очаговъ,
Среди твердынь, сравнявшихся съ землею.

Кровавый циркъ стоитъ еще до нынѣ,
Еще хранить въ руинахъ величавыхъ
Былую мощь, но Цезаря покои
И Августа чертоги ужъ давно
Поверглись въ прахъ и стали грудой камня.

И ты, луна, на нихъ свой свѣтъ лила,
Лишь ты одна смягчала нѣжнымъ свѣтомъ
Сѣдую древность, дикость заустѣнья,
Скрывая всюду тяжкій слѣдъ времянь.
Ты красоты былой не измѣняла,
Но осѣняла новой красотой
Все, въ чемъ она погибла, и руины
Казались священными, и сердце
Нѣмымъ благоговѣньемъ наполнялось
Передъ нѣмымъ величьемъ древней славы,
Предъ тѣмъ державнымъ прахомъ, что до нынѣ
Изъ глубины могильныхъ урнъ царить!

ЧАТЫРДАГЪ.

«КРЫМСКІЕ СОНЕТЫ» МИЦКЕВИЧА.

Склоняюсь съ трепетомъ къ стопамъ твоей твердыни,
Великій Чатырдагъ, могучій ханъ Яйлы!
О, мачта крымскихъ горъ! О, минареть Аллы!
До тучъ вознесся ты въ лазурныя пустыни

И тамъ стоишь себѣ у вратъ надзвѣздныхъ странъ,
Какъ грозный Гавріиль у вратъ святого рая.
Зеленый лѣсъ—твой плащъ, а тучи—твой тюрбанъ,
И молніи на немъ, узоры ткуть, блистая.

Печеть-ли солнце насъ, плыветь-ли мгла, какъ дымъ,
Летить-ли саранча иль жжетъ гяуръ селенья,—

Ты, Чатырдагъ, всегда и нѣмъ, и недвижимъ.

Безстрастный драгоманъ всемірнаго творенья,
Поправъ весь дольний міръ подножіемъ своимъ,
Ты внемлешь лишь Творца предвѣчныя вѣлѣнья!

*Среди холмов
и равнин
Среди долин
Среди горныхъ вершин
Улы и улыбки
погружены въ*

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
Ночь и день.....	7
Ручей.....	8
Въ Альпахъ.....	10
Оттепель.....	12
Облако.....	14
Ракета.....	16
Подснѣжки.....	17
Весенній вечеръ.....	19
Жемчугъ.....	21
Съ кургана.....	23
Гроза прошла.....	24
Въ старомъ городѣ.....	25
Отошли закаты.....	27
Облака, какъ призраки.....	28
Элегія.....	30
Ту звѣзду, что качалася.....	32
Въ маѣ.....	33
На монастырскомъ кладбищѣ.....	35
Кедръ.....	37
Акерманскія степи.....	39
Разсвѣтъ.....	41
Въ поздній часъ.....	42
Ночь.....	44
Зарница.....	47
Спокойный взоръ.....	49

	СТР.
Закать.....	50
Въ морѣ.....	51
Утро.....	53
Веспянка.....	54
Подъ тучей.....	60
Звѣзда надъ темными далекими лѣсами.....	62
Надпись на могильной плитѣ.....	64
Изъ Апокалипсиса.....	66
На горахъ.....	70
Изъ тѣсной пропасти.....	72
Ночью въ полѣ.....	73
Курганъ.....	74
Сонъ-цвѣтокъ.....	76
Моя печаль.....	78
Звѣзды ночи осенней.....	79
Шумѣли листья.....	80
Свѣтло, какъ днемъ.....	81
Смотрить мѣсяцъ.....	82
Изъ дневника.....	84
Эпиталама.....	89
Морозное дыханіе.....	91
Крещенская ночь.....	92
Кустарникъ.....	95
На островѣ.....	97
Звѣзды.....	99
Въ Колизеѣ.....	101
Чатырдагъ.....	104

ИВАНЪ БУНИНЪ.

ЛИСТОПАДЪ. Стихотворенія.

Изд. К—ва «Скорпионъ». М. 1901 г. Ц. 1 р.

«ПЪСНЬ О ГАЙВАТЪ». Г. Лонгфелло,

пер. съ англ. въ стихахъ.

Илл. изд. «Кн. Дѣла». М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.

«РАЗСКАЗЫ». Томъ I.

Изд. Т—ва «Знание» СПб. 1902 г. Ц. 1 р.

Ц. 1 р.